

INSPIRIA

БУМАЖНЫЕ ДЕВОЧКИ

АЛЕКС СМИТ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР

INSPIRIA

Ток. Тень маньяка. Лучшие триллеры
об охоте на серийных убийц

Алекс Смит

Бумажные девочки

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Смит А.

Бумажные девочки / А. Смит — «Эксмо», 2019 — (Ток. Тень маньяка. Лучшие триллеры об охоте на серийных убийц)

ISBN 978-5-04-172046-9

МЕЖДУНАРОДНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР. БЕСТСЕЛЛЕР AMAZON № 1. Они должны были разносить газеты с новостями. Но вместо этого сами оказались в заголовках новостей... В тот день в Норидже разразилась жуткая гроза. Идеальный день для маньяка... Одиннадцатилетняя Мэйси должна была развозить газеты на своем велике. Лило, конечно, как из ведра, но хозяин платит три фунта в час... хорошие деньги для маленькой девочки. Поэтому Мэйси надела дождевик, взяла сумку с газетами и помчалась сквозь ливень по давно знакомому маршруту. Вот только в темном подъезде ее уже ждали...

За два дня пропали уже две «газетные девочки». Город в панике — очевидно, что это дело рук маньяка, серийного похитителя. Именно так сказали старшему инспектору полиции Роберту Кетту, приехавшему в родной Норидж из Лондона отдохнуть. Начальство просит его помочь местной полиции. Ведь похитители детей — это как раз специализация Кетта... Он присоединяется к расследованию — и оказывается втянутым в одно из самых жутких дел в своей жизни. Дело, где ему придется столкнуться лицом к лицу с чистым злом...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-172046-9

© Смит А., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

Пролог	7
Глава 1	12
Глава 2	14
Глава 3	18
Глава 4	21
Глава 5	25
Глава 6	30
Глава 7	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Алекс Смит

Бумажные девочки

*Посвящается моим в равной степени замечательным и
надоедливym дочерям. Люблю вас!*

© Гольдич В.А., Оганесова И.А., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Пролог

Вторник

Все помнили тот дождь.

Они помнили его, потому что дни выдались знойными. Стояла почти невыносимая жара. Ходить по улицам было слишком тяжело, и дети разъезжали на велосипедах по мерцавшему асфальту, а их смех разносился так, как бывает лишь летом.

Затем небо внезапно потемнело, точно синяк, и раскололось на две половины. Все произошло настолько стремительно, что даже обозреватели погоды были удивлены и только что не извинялись в дневных выпусках. Предполагалось, что буря не затронет восток, сказали они, и уйдет вдоль побережья в Северное море, где закончит свое существование. Однако она устремилась к Норфолку и ударила с такой яростью, что задрожали окна и деревья стали гнуться к земле. Никто без крайней необходимости не выходил на улицу в тот день, и город превратился в галерею призрачных лиц, наблюдавших за ливнем через затуманенные стекла окон.

Все помнили тот дождь. Так говорили свидетели, повторяя это в каждой передаче по телевидению и радио.

«Ей не следовало работать. Мать просто сошла с ума, отпустив дочь на улицу. Сильный дождь, вероятно, смыл девочку в море».

Все помнили дождь, заставивший горожан сидеть дома.

Ни единой души не было на улицах в тот день. Никого, кроме одной бедной девочки.

И мужчины, который ее увел.

* * *

– Мама, пожалуйста!

В одиннадцать лет – точнее, почти в двенадцать – Мейси Мэлоун была слишком взрослой, чтобы топтать ногами, но у нее не осталось других вариантов. Она пыталась доказать свою правоту сотней разных способов, пока мать не заткнула пальцами уши и не принялась кричать «ла-ла-ла!», переступая с ноги на ногу. Мейси попробовала запереться у себя в комнате, но мать обещала отобрать телефон. Тогда Мейси решила использовать свою обычную угрозу: заявила, что уйдет из дома и никогда не вернется. Но мать лишь пожала плечами и ответила, что та блефует, потому что смысл их глупого спора состоял в том, что Мейси *не хотела* выходить на улицу. И куда она убежит? В шкафчик под раковиной? И что еще может сделать, кроме как топтать ногой по потертому ковру в гостиной?

– Мам, посмотри, там льет как из ведра!

Так и было. В один миг солнечная погода сменилась таким сильным ливнем, что река моментально превратилась в бурный поток и теперь мчалась вниз с горы.

– Мне известно, как выглядит дождь, Мейси, – сказала мать, выходя из крошечной кухни в домашнем халате и пижаме, хотя часы уже показывали полдень. Она держала в руках мятую пачку сигарет «Мейфэр» и неизменную одноразовую зажигалку желтого цвета, которой пользовалась с тех пор, как Мейси себя помнила. – Но я также знаю, что он не может тебе навредить. Если, конечно, ты не гремлиш... – Оглядела Мейси с головы до ног. – Впрочем, вполне возможно, что ты и в самом деле гремлиш. Это объяснило бы многое.

– Мама!..

Мейси хотела бы, чтобы от ее крика рухнул дом, но она знала, что истерики в споре с матерью не помогут. У нее был новенький седьмой «Айфон» – ну, новенький для нее, мать по дешевке купила его на «Фейс-буке» из-за царапины на экране, – и один раз Мейси его

лишилась, отказавшись пылесосить квартиру. Она не могла рисковать потерять его снова, в особенности теперь, когда узнала, как установить «Майнкрафт».

– Послушай, я сделаю это завтра, – взмолилась Мейси. – Мистеру Уокеру без разницы, даже когда мы задерживаем доставку.

– Ничего подобного, – заявила мать, прикуривая сигарету. Мейси, мрачно глядя на нее, помахала рукой, чтобы отогнать дым от лица. – К тому же дело не в нем, а в его клиентах. Они рассчитывают получить свои газеты вовремя. Какой смысл в новостях недельной давности? Это уже не новости, а *старости*.

Она рассмеялась собственной шутке, а Мейси в ответ заворчала.

– Это же бесплатная газета, – сказала девочка. – Ее никто не читает.

Мать сделала глубокую затяжку, задержав дым в легких, и повернулась, чтобы выдохнуть его в кухню – единственное место в доме, где ей следовало курить; однако дым все равно распространялся всюду и был таким густым, что у Мейси заболела голова. Все стены давно стали желтыми; быть может, и ее легкие тоже?

– Мейси, что я говорила тебе вчера? – сказала мать с выводившим из равновесия спокойствием.

Девочка пожала плечами, хотя прекрасно все помнила.

– Я сказала, что нельзя откладывать дела на потом, разве не так? Я сказала, что если ты оставишь их на завтра, то будешь потом жалеть. И ведь так и есть: уже четверть четвертого, вторник, и тебя все устраивает. Ты хотела работу и дополнительные деньги. Никто тебя не заставлял, и если ты хочешь уволиться, то можешь позвонить мистеру Уокеру прямо сейчас.

Мейси снова топнула ногой, но единственное, чего ей удалось добиться, – на полном желтом лице матери появилась самодовольная улыбка. Некоторое время девочка размышляла, не поступить ли, как говорит мать: позвонить мистеру Уокеру и сказать, чтобы засунул свою работу туда, где никогда не светит солнце. Но он платил ей три фунта в час, и каждую неделю она получала десятку, благодаря которой покупала все, на что не хватало карманных денег от матери.

Не говоря уже о дополнительных доходах от продажи кое-чего *другого*.

К тому же мама права, это всего лишь дождь.

Мейси вздохнула и посмотрела на дверь.

– Пожалуйста... – попыталась она в последний раз.

И вдруг с удивлением почувствовала, что мама крепко обнимает ее, подняв высоко вверх сигарету, чтобы не попасть дочери в глаз.

– Я горжусь тобой, лентяйка Мейси, – сказала мама. – Ты быстро растешь и стала большой девочкой.

Потом она ее отпустила и шлепнула по задку.

– Давай, сделай работу и забудь о ней. Я поставлю в духовку рыбные палочки, и мы будем есть сэндвичи, когда ты вернешься. Ладно?

Мейси снова тяжело вздохнула.

– Хорошо.

* * *

После первых нескольких секунд на улице она подумала, что все не так уж плохо. Дождь был не слишком холодным; в нем чувствовалось приятное тепло, словно стоишь в душе. И вода била сильно, как в душе, даже сильнее, учитывая известковую корку и слабый напор у них в доме. Как только прошел первый шок от ударов тысяч рассерженных капель по лицу, Мейси почти наслаждалась этими ощущениями.

Дорога по большей части шла под гору, но девочка держала одну руку на тормозе, чтобы колеса не проскальзывали. Вода устремлялась в стоки, и вокруг некоторых возникали настоящие водовороты. Всякий раз, когда Мейси проезжала через лужу, на тротуар выплескивались тонны воды, и девочка едва не рассмеялась, представив, как она окатывает воображаемых прохожих – и первой в списке, конечно, значилась ее мать. Сумка с газетами у нее на плече весила черт знает сколько, но Мейси привыкла к ней и осторожно проходила повороты, чтобы не потерять равновесие.

Когда мимо проезжали машины, двигавшиеся словно в съемке рапидом, их фары ярко сияли, хотя была середина дня. Двое водителей помахали ей, другие показывали пальцами и смеялись. Одна пожилая женщина остановила машину, даже опустила стекло и предложила довезти Мейси до дома, но та не ответила; она знала, что нельзя разговаривать с незнакомцами – даже добрыми, одетыми в платья с цветочками. Девочка просто стояла на педалях и ехала вперед, пока не добралась до первого тупика, где ей требовалось сделать остановку.

Там было пусто, словно во время зомби-апокалипсиса, – не такая уж странная мысль, если учесть, что всем, кто здесь жил, давно исполнилось по сто лет, и они двигались будто ожившие мертвецы. Мейси поставила велосипед возле первого бунгало и принялась сражаться с воротами. Затем выскочила под проливной дождь, поскользнулась на булыжном покрытии, налетела на дверь, ударившись костяшками пальцев о дерево, и поднесла руку к губам, морщась от боли. Газета промокла, как только Мейси вытащила ее из сумки, но девочка успела засунуть слипшиеся листы в упрямый почтовый ящик, заталкивая последний уголок пальцем, пока они не скользнули внутрь.

У нее ушло меньше восьми минут, чтобы покончить с одной стороной улицы, – немногим дольше, чем с другой, потому что в доме номер четыре жила старая злая собака, и Мейси всякий раз боялась, что та откусит ей большой палец. Усевшись на велосипед, она покатила по главной улице и вскоре оказалась в следующем тупике, который почти не отличался от предыдущего. Заметила несколько морщинистых лиц за тюлевыми занавесками и без особого энтузиазма махнула им рукой. Если они и помахали в ответ, Мейси этого не увидела. Дождь заливал глаза, превращая мир в калейдоскоп размытых очертаний и красок.

Она обошла улицу, спряталась на автобусной остановке, убрала с лица мокрые волосы и сдула капли с губ. Ливень стучал своими пальцами по крыше и безжалостно поливал мостовую, заперев Мейси в стеклянной клетке, окруженной падавшей с неба водой. Кое-как вытерев руки, она вытащила из кармана джинсов телефон и почувствовала, как отчаянно забилося сердце, когда увидела, что дождь сильно намочил экран. Однако телефон работал и сообщил ей, что прошло полчаса с того момента, как она вышла из дома. И вновь у нее промелькнула мысль: не позвонить ли мистеру Уокеру прямо сейчас, уволиться с дурацкой работы, бросить газеты на остановке и вернуться домой.

Но если она так поступит, то потеряет субботний обход. Обход, который приводил ее на пустошь, где Мейси делала *настоящие* деньги. Иногда – до двадцати фунтов.

Она тряхнула головой и засунула телефон в непромокаемую сумку для газет, чтобы тот не пострадал. Ей осталось всего три улицы, и она не хотела, чтобы он намок еще сильнее.

Мейси стиснула зубы, вышла под дождь и пересекла пустую улицу; вода доходила ей до щиколоток, заполняя кроссовки. Девочка прошлепала к первому дому с верандой, чувствуя, что ноги стали до смешного тяжелыми, прислонила велосипед к облезлой кирпичной стене и остановилась с газетой в руке на середине дорожки.

Входная дверь была открыта – точнее, широко распахнута. С того места, где стояла, Мейси видела, что вода льется на ковер в коридоре и капли летят на телефонный столик из орехового дерева. Внутри царила жуткая темнота, и когда Мейси посмотрела на два больших темных окна на фасаде – одно, скорее всего, выходило в гостиную, а другое в спальню, – она обратила внимание на то, что шторы плотно закрыты.

Мейси сделала еще пару шагов; газета у нее в руке уже успела намокнуть. В голове что-то щелкнуло – нет, не шум, а скорее *ощущение*, тревога, инстинктивная и очевидная. С домом было что-то *не так*. Мейси смахнула с глаз воду, отметив, что ей больно моргать. Улица у нее за спиной оставалась безмолвной и застывшей, подобно картонному театру. Все казалось нереальным в ярости бури, словно окружавший мир мог сложиться и исчезнуть. Дом чего-то ждал.

«Это всего лишь дом», – сказала себе Мейси, и неприятное чувство тут же исчезло. Она понимала, что еще немного, и газета превратится в кашу, поэтому подбежала к входной двери и бросила ее внутрь, приготовившись так же быстро вернуться на улицу.

Ее остановил голос, доносившийся из дома. Слабый, тонкий и отчаянный.

– Пожалуйста...

Казалось, день наполнил Мейси дождевой водой, а потом заморозил. На одно ужасное мгновение девочка не могла сдвинуться с места, потом сделала шаг назад; кожу у нее покалывало, а на голове она сморщивалась невероятно быстро, и Мейси стала опасаться, что у нее выпадут все волосы.

– Пожалуйста... – повторил голос.

Он был старым... нет, *древним*.

Внезапно даже мысль о том, чтобы уйти, показалась Мейси ужасной. Возможно, кто-то упал и не может встать... Со старыми людьми постоянно такое случается – они падают и что-то себе ломают; об этом девочка узнала, когда вместе с матерью смотрела передачу «Несчастные случаи».

– Хм-м... – сказала она; ее голос прятался где-то в горле. – Привет. Вам нужна помощь? У меня есть телефон.

Мейси потянулась за сумкой, пытаясь его нащупать.

Ответа из дома не последовало – во всяком случае, Мейси ничего не услышала из-за шума дождя. Она подошла к двери, заглянула внутрь – ей совсем не хотелось заходить дальше, чем требовала необходимость – и ощутила шедший изнутри странный запах, перебивавший даже аромат влажной земли; какой-то гнилой, как из мусорного бака, слишком долго простоявшего на солнце летом, но к нему примешивалось еще что-то медицинское, напominившее Мейси больницу. У нее перехватило в горле.

– Привет, – сказала девочка, слегка повысив голос. Она ничего не видела вокруг себя; день выдался невероятно темным, словно мир исчезал где-то посреди коридора. – Я вызову «Скорую», держитесь.

Ничего.

Найдя телефон, Мейси едва не закричала от радости. У нее дрожали руки. Большой палец оказался слишком мокрым, чтобы разблокировать телефон.

– Дайте мне секунду, – сказала она, набирая пароль. – Все будет в порядке.

И вновь никакого ответа.

– Ну, давай, проклятье, – зарычала она на телефон. Тот наконец разблокировался, и Мейси посмотрела на медный номер на двери, пытаясь вспомнить, именем какого цветка назван тупик. Герань? Гербера? Она так разволновалась, что не смогла сразу вспомнить номер спасательной службы.

– «Три девятки», идиотка!

Мейси набрала номер, поднесла телефон к уху и стала слушать гудки.

– Ну, давай же скорее...

В доме все замерло – здесь царил глубокая, тяжелая и безмолвная темнота, из-за которой у Мейси в животе возникло неприятное чувство. Она вглядывалась в тени, пытаясь отыскать очертания хотя бы каких-то предметов.

Кажется, что-то есть? Более глубокая тень, высокая и тонкая. Возможно, часы? Вешалка? Мейси сосредоточилась на гудках в телефонной трубке, и...

Тень переместилась невероятно *быстро*. У Мейси возникло ощущение, будто это поезд мчится сквозь туннель – бросок тьмы был столь стремительным и неожиданным, что крик слетел с ее губ, прежде чем она сама это поняла. Несшаяся к ней стена темноты заполнила дверной проем, и чья-то рука зажала ей рот.

Телефон щелкнул, далекий голос спросил, что случилось, но она не смогла ответить.

Другая рука схватила девочку за волосы, развернула ее голову и втащила внутрь. Мир Мейси, скрытый за шумом дождя, почернел.

Глава 1

Среда

– Мы уже почти на месте?

Роберту Кетту пришлось использовать все свое терпение, чтобы не ударить по тормозам и не выбежать с криком из машины. Если честно, у него возникало такое желание в течение трех последних часов, с того самого момента, как десятилетний «Вольво» цвета голубинового помета отъехал от дома в Степни и направился на северо-восток в поездку, приводившую Роберта в ярость. Двое из троих детей задавали этот вопрос каждые десять минут. Третьей исполнилось всего полтора года, и она была слишком мала, чтобы говорить полными предложениями, но постоянные крики вполне это компенсировали.

Мир вокруг был в огне. Вчерашняя странная летняя буря, казалось, втянула в себя каждую каплю влаги на небе, а далее принялось за работу солнце, вооружившись молотом. Оно словно наполняло ветровое стекло Кетта жидкостью, а асфальт превращало в мерцающий мираж. Роберт так сильно и долго щурился, что у него возникло ощущение, будто его лоб сжимают тиски.

– Пап? Мы уже скоро?

Кетт обогнал грузовик и снова вернулся на левую полосу трассы A11, после чего посмотрел в зеркало заднего вида.

Элис мрачно смотрела на него, ее челюсти двигались – она жевала жвачку, продержавшуюся с самого начала поездки. Их обогнал белый фургон; ослепительная солнечная вспышка метнулась в машину, и на мгновение семилетняя девочка стала выглядеть как мать, если бы она сидела здесь, на заднем сиденье. Видение получилось столь сильным, что Кетту показалось, будто его разум покинул череп, а головокружение заставило крепче сжать руль – так космонавт в невесомости хватается за поручень.

Он снова стал смотреть на дорогу, глотая пыль.

– Пап? – позвала Элис.

– Пап? – добавила ее трехлетняя сестра Эви. – Я хочу есть.

– Пап?

– А-а-а! – завопила малышка; еще один яростный рев, подобный клаксону.

Он получился таким громким, что Кетт на секунду закрыл глаза, в результате чего едва не пропустил съезд с магистрали, но успел показать поворот и покинул шоссе, а солнце, проявив милосердие, стало светить ему в плечо. Казалось, в машине сразу стало прохладнее градусов на десять.

– Я хочу есть, – пожаловалась Эви. – И мне нужно покакать.

– Мы уже почти приехали? – спросила Элис.

– Да, – ответил Кетт и в первый раз за день не солгал. – Мы совсем рядом. Десять минут, я обещаю.

На самом деле дорога займет больше времени, потому что он не помнил, куда именно нужно ехать. Кетт провел здесь первые двенадцать лет жизни, но за последние тридцать дороги изменились. Он даже подумал, что ему следует съехать на обочину и включить навигатор, но если остановиться, то весьма вероятно, что девочки выскочат из машины без разрешения, а крики Мойры станут еще более громкими.

Кетт посмотрел на лес зеленых указателей впереди, нашел тот, что вел в северную часть города, и сменил полосу. Кто-то громко загудел – Роберт его подрезал. На мгновение он даже подумал, не остановить ли водителя прямо здесь, на обочине, выйти из «Вольво» и арестовать.

«Впрочем, сейчас ты не на работе, – напомнил себе Кетт. – Во всяком случае, формально. Главная причина, по которой ты здесь, в том, чтобы убраться подальше от дома».

Подальше от Лондона. Подальше от работы. Подальше от всего, что напоминало о его жене Билли.

Кетт ударил по тормозам лишь для того, чтобы вывести из равновесия водителя, следовавшего за ним, и дальше поехал очень медленно. Впереди находился светофор. В тот момент, когда Роберт нажал на педаль газа и старый «Вольво» с ревом свернул на круговую дорогу, загорелся красный свет. Он бросил взгляд в зеркало заднего вида и убедился, что ехавший за ним автомобиль резко затормозил; красный залил его ветровое стекло.

Пусть он сейчас и не на службе, но ничто не может ему помешать вести себя как придурку.

– Я чувствую, как кашка выходит, – заявила Эви.

– Ради бога, – проворчал он. – Осталось потерпеть совсем немного.

К счастью, время ланча и возвращения на работу уже прошло, и машин на дорогах было совсем немного. Кетт помчался по круговой, поглядывая на почти забытый город – полностью забывший и его самого. Если не считать вспышек золотого солнечного света на шпиле собора, он ничего не мог вспомнить из своего детства.

Изредка мимо проезжали патрульные полицейские, и Роберт по привычке махал им рукой, а однажды промчалась машина «Скорой помощи», и ему пришлось преодолеть желание начать преследование. Кетт опустил голову и направил «Вольво» вверх по склону.

– Эви обкакалась, – со злорадным смехом сообщила Элис.

– Вовсе нет! Это ты! – крикнула та в ответ.

– Ты накакала в штаны!

– Я накакаю в *твои* штаны! – заверещала Эви.

Кетту даже удалось улыбнуться. Он притормозил, читая названия улиц, нашел нужную и свернул с главной дороги. И только после того, как увидел впереди дом, вспомнил о необходимости дышать – у него возникло ощущение, что он сделал первый вдох за весь день – и расслабился.

Девочки это почувствовали – и разом замолчали.

Все места на парковке оказались заняты, и ему пришлось проехать немного дальше, чтобы припарковаться. Кетт остановился у тротуара, задев его бампером. Затем заглушил двигатель и несколько блаженных мгновений наслаждался почти полной тишиной – лишь ветер шумел в кронах деревьев неподалеку.

– Так мы на месте? – заверещала Элис, с громкостью никак не меньше тысячи децибел. – Мы приехали?

Роберт кивнул, и девочки радостно закричали – он подумал, что от таких воплей должны расколоться все окна в округе. Мойра верещала особенно громко – от радости или ужаса, Кетт не знал. Он распахнул дверцу; петли заскрипели почти так же пронзительно, как его суставы, пока он вылезал наружу и выпрямлялся. Элис уже успела отстегнуть ремень и перебралась на переднее сиденье.

– Нет! – завопила Эви, сражаясь со своим креслом. – Подожди меня!

Кетт закрыл глаза, стараясь подавить внезапную волну тревоги. Он многое отдал бы за то, чтобы рядом оказалась Билли с ее умиротворяющим голосом и улыбкой. Она мгновенно успокоила бы девочек.

«Но ее больше нет, – напомнил себе Кетт. – Она ушла».

Он открыл глаза, и жидкий солнечный свет проник ему в голову.

– Пойдем, – сказал Роберт, помогая Элис выбраться из машины. – Давайте начнем новую жизнь.

Глава 2

Как оказалось, их новая жизнь не желала начинаться.

– Давай открывайся, *трёпаный ушлепок*, – проговорил Кетт, засунув ключ в автоматический замок.

Мойра извивалась у него на руках, сильная, как медвежонок. Ее пухлые ручки раз за разом колотили его по лицу, делая задачу борьбы с замком еще более сложной. За спиной у него Элис сидела на низкой стене палисадника, а Эви пыталась туда забраться.

Ключ не поворачивался. Кетт выругался и пересадил ребенка на другую руку.

– Папочка, я правда хочу какать, – возвестила Эви, отходя от стены и прикладывая руку к попе.

– Я работаю над этим, милая, – сказал Кетт сквозь стиснутые зубы. – Дай мне секунду. Потерпи немного и скажи какашке: «Ты не пройдешь!»

Он сэкономил и купил половину дома – иными словами, одноквартирную часть с тремя спальнями; на стенах серая декоративная штукатурка и подъемные окна, с которых, как перхоть, сыпалась краска. Кто-то – вероятно, агент по недвижимости – не слишком аккуратно подрезал кустарник; Кетт подумал, что здесь не помешало бы поработать мачете, когда входил через расшатанные ворота в сад за домом. Он распахнул их для девочек, которые тут же принялись бегать кругами по пожелтевшей траве, гавкая, точно собаки.

Кетт решил, что будет безопасно оставить Мойру на лужайке, и малышка, покачиваясь, зашагала за сестрами. Здесь имелась еще одна дверь, которая, вероятно, вела на кухню. Роберт подергал за ручку. Конечно, его оптимизм оказался бесполезным – дверь была заперта, однако зашаталась в проеме, когда он ее потряс.

– Паа-паа! – закричала Эви, явно чем-то расстроенная.

Кетт вытащил телефон из кармана, не глядя на свою фотографию с Билли на экране, – где она, одетая в синее шелковое платье, с маргариткой в волосах медового цвета, с улыбкой целовала его в щеку на свадьбе друзей два года назад. Открыл электронную почту и стал искать номер агента по недвижимости. У него за спиной Мойра снова принялась вопить, и к ней сразу присоединилась Эви. Шум заставил сработать полицейское реле в голове Кетта, и он, не отдавая себе отчет в том, что делает, поднял ногу, сделал шаг вперед и ударил тяжелым башмаком одиннадцатого размера по двери в районе замка.

Кетт не оставил ей никаких шансов – старое дерево разлетелось в щепки, и дверь отлетела назад, как боксер после нокаута. Ему пришлось остановить ее рукой. Он оглянулся и увидел, что все три девочки смотрят на него широко раскрытыми глазами, разинув рты. Не выдержал и довольно рассмеялся.

– Этого не было, – произнес он. – Заходите.

Подхватил Мойру и придержал дверь для Элис и Эви. Внутри дома их ожидала благодатная прохлада. Шторы на кухне были наполовину опущены, в воздухе резвились пылинки. За последние годы Кетт побывал во множестве домов – и сразу понял, что здесь уже давно никто не жил. Все поверхности протерли, а пол подмели, но ручки шкафчиков выглядели жирными – их давно не открывали, – а на шторах повисла старая паутина, похожая на шелк. К ним не прикасались несколько недель.

И все же здесь было сухо. И тихо.

Это был дом.

– Скорее, папочка, – взмолилась Эви.

– Пойдем, отыщем ванную комнату.

Кетт включил кран, чтобы спустить застоявшуюся воду, наблюдая, как Элис и Эви выскочили из кухни в коридор. Мойра попыталась вырваться на свободу, но он успел удержать

девочку одной рукой, а другой продолжал листать почту, пока не нашел номер агента по недвижимости. Вышел из комнаты, как только послышался первый гудок, и увидел лестницу, залитую солнцем. Элис и Эви уже освоились в гостиной и принялись прыгать на диване, поднимая в воздух пыль.

– Осторожно, – предостерег Кетт, понимая, что его слова не произведут на них никакого впечатления.

Девочки продолжали прыгать, и он снова вышел в коридор, где нашел маленький туалет под лестницей. Дом оказался крошечным, и Роберт выругал себя за то, что поверил фотографиям, размещенным в Сети. Фокусы, которые риелторы устраивали с рекламными проспектами, поражали воображение – съемки с низких точек и хорошее освещение. Это выглядело почти незаконным.

– Эви, – позвал Кетт. – Здесь есть туалет; я не хочу, чтобы ты совершила крещение нового дома.

– А мне уже больше не нужно, – крикнула она в ответ.

– Конечно, не нужно, – проворчал он. – Проклятье...

– Добрый день, компания «Шекли», меня зовут Дон, чем я могу вам помочь?

Молодой женский голос звучал предельно уныло. Мойра, услышав его, завопила: «Приветик!» – прямо в ухо Кетта, и ему пришлось поставить девочку на пол.

– Да, привет, – поздоровался он. – Меня зовут Роберт Кетт; я взял в аренду один из ваших домов, Моргейн-стрит, восемь.

– Вы знаете почтовый индекс? – спросила Дон.

– Нет, но я совершенно уверен, что у вас нет двух домов по адресу Моргейн-стрит, восемь... Так вот, мой ключ не подходит к замку.

Дон засунула в рот жвачку.

– Да ну, – возразила она. – Ключ должен подходить.

– Мне хорошо известно, что так должно быть, – ответил Кетт, стараясь сохранять терпение. – Обычно ключи подходят; в противном случае, зачем они нужны?.. Но не этот.

– Я могу прислать вам слесаря к концу дня.

– Мы уже вошли в дом. Но теперь нам нужен человек, который починит дверь.

– Вам не следовало входить в дом, – сказала Дон, и ее голос прозвучал монотонно, как у компьютера. – Вы должны были подождать...

– Дон, – прервал ее Кетт. – Позвольте мне еще раз представиться. Я – старший детектив-инспектор Роберт Кетт из столичной полиции. – Дон перестала жевать, позволив ему продолжать. – Нам нужно, чтобы дом стал безопасным уже к вечеру. Вы очевидным образом не выполнили свои обязанности агента по недвижимости. Если пожелаете, я могу начать расследование относительно гарантий защиты ваших постояльцев от самых разных неприятностей.

– Хм-м... – протянула Дон. – Я кого-нибудь пришлю в течение часа.

– Конечно, пришлете, – сказал Кетт.

Он дал отбой, пока женщина продолжала что-то говорить. Роберт не любил пользоваться своим положением, в особенности сейчас, когда делать это ему не следовало, но некоторые люди заслуживали, чтобы на них нагнали страху, а Скучающая Дон определенно принадлежала к этой категории.

– Эй, – позвал он, увидев, что Мойра поднимается по лестнице. – У тебя будет еще много времени, чтобы все исследовать, малышка.

Снова взял ее на руки, когда раздался телефонный звонок, и Роберт не глядя ответил, прорывав в трубку:

– Тебе лучше не связываться со мной, Дон...

– Можно подумать, кто-то осмелится, – ответил скрипучий голос, и Кетт встал по стойке «смирно». – Никто не станет связываться со старшим инспектором Кеттом.

– Сэр, – отпраповал Роберт, едва не уронив сопротивлявшегося ребенка.

Он снова отпустил Мойру, глядя, как она на четвереньках, словно заводная игрушка, устремилась в гостиную, и слушая смех суперинтенданта Барри «Бинго» Бенсона. Знакомые трубные звуки внезапно вызвали у него ностальгию.

– Ты все еще за рулем? – спросил Бенсон.

– Нет, мы уже приехали, – ответил Кетт, воспользовавшийся моментом, чтобы расправить плечи. – Но у меня такое ощущение, что дорога заняла три недели.

– Не удивлен. Норидж – это задница нашей древней цивилизации, верно? Сморщенный анус на крестце Великобритании.

– Ну, это вы, пожалуй, загнули, – заметил Кетт, подойдя к входной двери и выглянув наружу через текстурированное стекло. – У нас есть два собора и около трех сотен пивных.

– Что покрывает потребности ваших базовых пищевых групп, – добавил Бинго.

Кетт услышал, как заскрипело кресло босса, и представил себе, как тот откидывается на спинку и кладет ноги на письменный стол. Суперинтендант Бенсон получил свое прозвище после того, как его однажды, в субботу вечером, вызвали на тройное убийство в Энджел-Айлингтон, а он забыл снять галстук-бабочку и миниатюрный микрофон для бинго. Выяснилось, что так он расслаблялся, – обладая идеальным баритоном, прекрасно подходящим для игровых залов бинго¹. Очевидно, его обожали пожилые леди, и не только они. Бенсон являлся одним из лучших суперинтендантов в столичной полиции.

– С детьми всё в порядке? – спросил Бинго. Кетт повернул телефон так, чтобы тот услышал крики, доносившиеся из гостиной. Суперинтендант рассмеялся. – Невозможно определить, веселятся они или их подвергают пыткам.

– Они веселятся, – ответил Кетт. – А пыткам подвергают *меня*. Но в целом они в порядке. Я думаю, переезд будет им полезен. Просто должен.

Бинго вздохнул.

– Да, так и будет, – подтвердил он. – И для них, и для тебя. Ты получил отпуск по семейным обстоятельствам, Робби; тебе нужно время, чтобы прийти в себя и исцелить семью. А в Лондоне это невозможно.

Кетт кивнул.

«Не спрашивай, – сказал он себе. – Не спрашивай». Это был приказ, однако он все равно задал вопрос:

– Есть новости?

– Ты знаешь не хуже меня: как только мы что-то услышим, я сразу позвоню тебе. – Бинго откашлялся. – Если она еще жива, мы ее найдем.

В его ответе содержались ключевые слова, подумал Кетт. В первые несколько дней они говорили: «Мы вернем ее домой». В следующие недели: «Не беспокойся, она появится». Роберт знал, что рано или поздно услышит слово «если», только не ожидал, что это произойдет так скоро. Четырнадцать недель – совсем небольшой срок.

И в то же время бесконечный.

Казалось, Бинго осознал свою ошибку.

– Мы ее найдем, – проговорил он. – Позволь нам позаботиться о Билли. А ты займись собой и детьми.

Кетт услышал шуршание – Бинго поглаживал усы; он всегда так поступал, прежде чем сделать важное заявление. Эта деталь его выдавала. Он мог быть очень хорош в бинго, но в покер ему играть не следовало.

– Что? – спросил Кетт.

¹ Бинго – настольная коллективная игра, разновидность лото. Выпавшие номера объявляются человеком, ведущим игру.

– Я говорил, что сейчас тебе не стоит работать, – сказал Бинго. – Но раз уж ты там, я хотел бы попросить об услуге.

Он продолжал что-то говорить, но его слова потонули в карнавале шума, доносившегося из гостиной, – все три девочки танцевали конгу и маниакально хихикали. Роберт показал рукой, что им следует перейти на кухню.

– Извините, сэр, вам придется начать заново.

Бинго рассмеялся, но в его смехе не было веселья.

– Я сказал, что нуждаюсь в твоей помощи. Вчера в Норидже пропали две девочки.

Кетт нахмурился. Информация о двух пропавших девочках не была материалом для первых полос, с такими проблемами обычно справлялось местное отделение уголовных расследований.

– Обе занимались доставкой прессы, – продолжал Бинго. – Обеим по одиннадцать лет. Их похитили, когда они развозили газеты.

Кетт почувствовал покалывание в спине, и внутри у него все похолодело.

– Похищение? – уточнил он.

– Да, мы так считаем, – со вздохом ответил Бинго. – Суперинтендант, возглавляющий расследование, весьма компетентен, он... *необычный* парень, – но это дело выходит за рамки возможностей его команды. Норидж – тихое место. Они нуждаются в помощи.

– Я думал, у меня отпуск, – сказал Кетт, и ему показалось, что он слышит, как Бинго пожимает плечами.

– Твое заявление все еще лежит на моем столе, – ответил суперинтендант, – но я его пока не подписал. Пожалуйста, Робби, просто зайди к нему и представься. Он будет рад.

Кетт тяжело вздохнул и посмотрел мимо винтовой лестницы на девочек, разгуливавших по кухне; Мойра, задирая толстенькие ножки, пыталась взобраться на стул. Существовал миллион причин для отказа, и три из них находились прямо перед ним. Четвертая – последнее дело о пропавших людях, единственное в его карьере, которое он так и не смог довести до конца.

И оно его сломало.

«Что мне делать, Билли?»

Ему требовалось услышать ее мнение. Но он уже знал, что она ответила бы. Пропали две девочки. Две девочки, которые в нем нуждались.

– Конечно, – сказал Кетт, – я этим займусь.

Глава 3

Четверг

– Вы уверены, что это возможно?

Кетту пришлось произносить эти слова через детский комбинезон – Мойра пыталась взобраться ему на голову. Ее руки закрывали ему уши, поэтому он был глух и слеп и не понимал, что ответила воспитательница, но, когда стащил ребенка с головы, оказалось, что та кивает.

– Мы с радостью ее примем, мистер Кетт, – ответила женщина.

Она указала в сторону двери яслей у себя за спиной: маленькое приземистое зеленое здание, которое находилось на площадке для игр новой начальной школы Элис. Внутри двадцать детей создавали шум целой сотни. Эви держалась рядом с Кеттом, одной рукой цепляясь за его ногу и выглядывая оттуда с нервным возбуждением, смешанным с ужасом. Она перехватила его взгляд.

– С тобой все будет в порядке, – заверил Роберт. – Это только на утро, ты же помнишь? Твоя сестра не спорила.

Тут он почти не погрешил против истины. Намек на возможную истерику возник только раз, когда Элис не могла найти новый школьный кардиган в привезенных чемоданах, но погода стояла жаркая, и Кетт в качестве компромисса разрешил ей обойтись без него.

– На Элис произведет впечатление, если ты будешь вести себя как большая девочка.

Эви ничего не ответила; она просто стояла, крепко стиснув маленькие кулачки, и у Роберта сжалось сердце. Девочке пришлось многое перенести – исчезновение Билли ударило по ней сильнее, чем по ее сестрам. Элис была старшей, но вела себя совершенно иначе по отношению к большинству людей, которых встречала. В ее предыдущей школе повторяли слова вроде РАС и СДВГ², и девочка находилась в списке ожидания на направление к специалисту, но правда состояла в том, что она была просто Элис, приятно необычная, в некоторые дни разочаровывающе ужасная, в другие странная – именно это слово чаще всего использовали для ее характеристики. Конечно, это если вы не являлись Робертом Кеттом, а в его случае самым распространенным словом было *надоедливая*.

Но Эви замечала все, что происходило вокруг, наблюдала, постоянно размышляла. Ее большие голубые глаза даже не моргали, и Кетт знал, что в этот момент в голове у нее бушевал настоящий мысленный шторм.

– Пара часов, – пообещал он. – И я принесу тебе «Смартиз»³.

Если у Эви еще оставались сомнения, упоминание о «Смартиз» позволило ей сразу от них избавиться. С сияющей улыбкой она протянула руку женщине, которая, рассмеявшись, взяла ее.

– «Смартиз», – сказал Кетт. – Наркотик для детей, верно?

На лице женщины появилось неодобрительное выражение, но сразу же исчезло. Она посмотрела на Мойру, которая снова пыталась покорить свой Эверест – голову Кетта.

– Никакой миссис Кетт? – спросила она, к счастью, понизив голос так, что Эви ее не услышала.

– Я вернусь очень скоро, – сказал Роберт, игнорируя вопрос. – Люблю тебя, моя красотка.

– Люблю тебя, папа, – прокричала Эви в ответ и практически потащила женщину за собой.

Кетт подождал, когда дверь за ними закроется, после чего стащил Мойру с лица и поставил перед собой.

² Расстройство аутистического спектра; синдром дефицита внимания и гиперактивности.

³ Фирменное название разноцветного горошка с шоколадной начинкой.

– Две из трех, совсем неплохой результат, – сказал он. – Будем надеяться, что полицейская команда Нориджа любит детишек.

* * *

Команда Нориджа ненавидела детишек. Причем ненавидела со страстью, которая стала очевидной, как только Кетт вошел в полицейский участок.

– Вы шутите, да?! – проревел мужчина. К счастью, кричал он не на Мойру, а на молодую женщину, сидевшую в приемной, в то время как ее маленький ребенок лежал на полу и пытался оглушительным криком пробить дыру в потолке. – Вы ведь знаете, что пришли не в ясли? Вы в курсе, что у нас тут полицейский участок?

Женщина – скорее девушка, едва ли больше шестнадцати – вздрогнула так, словно мужчина замахнулся на нее битой, и, с трудом сдерживая слезы, подняла вопящего ребенка.

Кетт внутренне ошетинился. Мойра немного успокоилась, но продолжала извиваться, точно мешок ужей. Он выругал себя за то, что не принес из машины коляску. Даже сейчас, после стольких недель, Роберт все еще рассчитывал, что это сделает Билли. Он хватал ребенка, а Билли – коляску. Всегда.

Рассерженный мужчина демонстративно обошел женщину с ребенком, прижимая кипу бумаг к груди, словно в них содержались результаты следующей лотереи. Неприятный тип, это было очевидно с самого начала. От некоторых людей исходят негативные флюиды, словно у них под кожей находятся магниты, отталкивающие всех, кого они встречают. Что-то в его коротких седеющих вьющихся волосах, неухоженных бровях и торчавших из носа волосках, а также корке, образовавшейся в уголках глаз – не говоря уже о желтых ногтях, – отталкивало. Дешевый серый костюм был на два размера больше, чем нужно, и только коричневый ремень удерживал брюки на тощей талии.

И все же в нем ощущалось нечто внушительное.

Ему было под шестьдесят; рост превышал на пару дюймов пять футов и одиннадцать дюймов Кетта⁴. Он двигался быстро и неуклюже, как носорог. Причем разозленный носорог. Кетту уже приходилось иметь дело с такими людьми, находившимися по другую сторону закона, и он знал, что их нельзя недооценивать.

Шею мужчины охватывал шнурок с удостоверением личности на неглаженной рубашке. Из чего следовало, что он здесь работал.

– Еще одна, – прорычал дылда, когда увидел Кетта, и едва ли не оскалил зубы на Мойру. – Детям здесь не место, так что сделайте одолжение: если вашему ребенку нечего тут делать, уберите его отсюда.

Роберт встал на пути мужчины, не давая ему пройти между двумя рядами стульев. В приемной участка Нориджа находилось совсем немного посетителей – несколько печальных людей, которые равномерно распределились на стульях, и молодой сержант, стоявший у окна, – но высокий мужчина с ребенком привлек всеобщее внимание.

– А как насчет того, чтобы быть немного доброжелательнее? – спросил Кетт, оставив при себе дюжину ругательств. – Это всего лишь дети. Уж поверьте, они хотят быть здесь не больше, чем любой из нас.

Мужчина фыркнул и начал протискиваться мимо Кетта, продолжавшего неподвижно стоять у него на пути. Затем ткнул в него пальцем.

– Поверь мне, сынок, я не в том настроении, чтобы мной пренебрегать.

– *Пренебрегать?* – Кетт едва не задохнулся от возмущения. – Уверен, это совсем не то, что вы подумали...

⁴ То есть был ближе к 190 см.

– Сядьте и дождитесь своей очереди, или я сам отведу вас в ее конец, чтобы вы немного остыли.

Кетт сделал глубокий вдох, размышляя о том, не следует ли ему просто повернуться и уйти. Он не должен здесь находиться, и ему вовсе не обязательно предлагать им свою помощь. Если команда Нориджа так его принимает, какое ему до них дело?

Он уже открыл рот, чтобы сказать это, но в последний момент обратил внимание на документы, которые держал в руках мужчина: зернистая копия фотографии улыбавшейся, с редкими зубами, девочки в школьной форме. Кетт сразу ее узнал – он успел войти в курс дела после того, как уложил дочек спать. Мейси Мэлоун, одна из двух пропавших одиннадцатилеток.

– На самом деле, – сказал Роберт, – я намерен войти внутрь. Мне нужно поговорить с вашим суперинтендантом.

Мужчина нахмурился, и его лицо стало еще более неприятным.

– О ней, – уточнил Кетт, кивая на фотографию. – Меня зовут Роберт Кетт, я старший детектив-инспектор из столичной полиции. Мой суперинтендант, Бинго... *Барри* Бенсон, попросил меня к вам зайти.

– Он попросил, да? – спросил мужчина; его рот двигался так, словно он жевал табак. Вытер с губ белые сгустки, оглядел Кетта с головы до ног, потом посмотрел на Мойру.

– Я только что приехал, – объяснил Кетт. – И еще не успел устроить ребенка в ясли.

– Из *Лондона*, – произнес мужчина, презрительно поглядывая по сторонам. Роберт вздохнул. Он не сомневался, что последует дальше: *большая шишка*. – К нам пожаловала большая шишка? – продолжал местный служитель порядка. – В нашу глушь, чтобы раскрыть дело, помочь нам, деревенщинам, у которых вместо головы репа...

– Что-то вроде того, – ответил Кетт, уставший от агрессивного поведения мужчины. – Так вы отведете меня к вашему суперинтенданту или вам нужно спросить разрешения у сержанта?

Мужчина наклонился так близко к Роберту, что едва не коснулся его лица волосами, торчавшими из носа.

– *Я суперинтендант* Колин Клэр, – заявил он. – И совершенно уверен, что нам не нужна ваша помощь, старший инспектор Кетт. И тем более – вашего ребенка.

«Эх, – подумал Роберт, – заехать бы ему ногой по зубам... На этом можно было бы и закончить». Вместо этого он сделал глубокий вдох, переложил Мойру в левую руку, протянул правую и произнес:

– Я сожалею. Давайте начнем сначала.

Секунду казалось, что Клэр просто пройдет мимо. Но он кивнул и сжал руку Кетта в своей огромной сухой ладони, сделав это дважды, словно наливал себе пиво в баре.

– Извиняться следует мне, – сказал он и как-то весь съежился. – Вы застали меня не в самый лучший момент. Пресс-конференция об исчезнувших девочках...

– Я могу как-то помочь? – спросил Кетт.

– Не сейчас. Но вам лучше поехать со мной; встреча будет проходить в доме Мэлоунов. Я знаю, кто вы такой, старший инспектор Кетт, мне известны ваши знаменитые расследования. Может быть, вы и сможете нам помочь...

Роберт отступил в сторону, пропуская Клэра.

– А моя дочь? – спросил он вслед уходившему мужчине.

Не поворачивая головы, Клэр крикнул через плечо:

– Вы можете взять ее с собой, если обещаете, что она не станет шуметь.

Глава 4

За все восемнадцать месяцев и четыре дня своей жизни Мойра Кетт ни разу не производила столько шума, сколько сейчас. Она вопила так, что почти все, кто собрались на улице, смотрели на нее.

– Ну, давай, – уговаривал Кетт. – Пожалуйста, ты уже устала...

Он посмотрел на собравшихся. Почти все, около тридцати человек, являлись репортерами и занимали почти всю ширину улицы; некоторые прислонились к своим фургонам, другие продолжали фотографировать Кетта на телефоны и камеры. Он хотел показать им средний палец, но сумел удержаться. К тому же трудно сделать такой жест, когда твои руки пытаются удержать извивающееся тело.

– Нет! – прокричала Мойра свое любимое слово. – Нет! Туфли!

Так она говорила, когда хотела ходить, что и продемонстрировала, лягнув Кетта в лицо, пока тот пытался уложить девочку в коляску.

– Проклятье, – пробормотал он.

– Вот, попробуйте это, – сказал кто-то у него за спиной, и неожиданно перед ним появилась девушка-констебль в форме, держа в руке старомодный полицейский свисток.

Выпустив из него пару трелей, она протянула свисток Мойре, и та сразу успокоилась. В больших глазах застыло удивление; она начала исследовать незнакомую блестящую игрушку. Пока девочка отвлеклась, Кетт пристегнул ремень.

– Боже, благодарю вас, – проговорил он, поворачиваясь к констеблю. Немногим больше двадцати, под форменной шляпой скрываются угольно-черные волосы эльфа, блеск в глазах делает ее еще моложе. Едва ли она давно работает в полиции – никто так не выглядит после года службы. – Я решил уже, что она собирается использовать против меня какой-то приемчик, вроде броска с прогибом.

Девушка нахмурилась.

– Пожалуй, вы слишком молоды для ВФР⁵, – сказал Кетт. – Это рестлинг. Ладно, не имеет значения...

– Теперь это называется иначе, – с улыбкой сказала девушка, протянув ему руку, и он пожал ее. – Я констебль Кейт Сэвидж и была рада вам помочь.

– Сэвидж⁶? – переспросил Кетт. – Звучит неплохо.

– Решает многие проблемы. В особенности во время допросов. «Позвать сюда Сэвидж!» Плохие парни обычно сразу во всем сознаются.

– Могу спорить, что так и есть. Я старший инспектор Кетт. Роберт.

– Так вы местный? – уточнила она, и теперь уже Кетт нахмурился. – Ваша фамилия является классической для Нориджа. Здесь есть дорога «Гора Кетта». Это также значит «ястреб», насколько мне известно, – хищная птица. Ну и, конечно, существовал Роберт Кетт. *Другой*. Мятежник, который сражался с правительством.

– Видимо, он внушал трепет, – заметил Кетт.

– Его повесили на стене замка, – добавила Сэвидж.

– О, – сказал он, – я смутно помню о нем еще со времен школы... Да, моя семья отсюда. Мать все еще живет в графстве, хотя мы очень давно с ней не виделись. На самом деле, с тех пор, как умер отец. Я вырос в другой части города. Майл-Кросс.

– Бэдлендс, – произнесла Сэвидж, втянув в себя воздух.

– Там все еще царят жестокие нравы?

⁵ Всемирная федерация рестлинга.

⁶ Savage (англ.) – дикарь, дикий.

– Все не так плохо, как раньше, но я не хотела бы оказаться там одна ночью.

Мойра изо всех сил пыталась дунуть в свисток; у нее получались короткие забавные трели, и она радостно смеялась.

– Вам здесь выдают свистки? – спросил Кетт, приподняв бровь.

Сэвидж кивнула:

– Да, так мы общаемся. Начальство пыталось внедрить радиосвязь, но она оказалась слишком сложной для нас, провинциалов.

Роберту пришлось потратить несколько секунд, чтобы оценить шутку, а улыбка Сэвидж стала еще шире.

– Мне его подарил дед, – объяснила она. – Когда-то он служил в полиции, и этот свисток принадлежал ему. Дед не раз повторял, что тот приносит ему удачу.

– Едва ли вы сможете рассчитывать на удачу, когда попытаетесь забрать свой свисток обратно, – сказал Кетт.

– Пусть играет, – ответила Сэвидж. – Вас прислали, чтобы помочь нам поймать тех, кто похитил девочек?

– Неофициально... – начал он.

Но у него не осталось времени на объяснения – из дома с террасой, где жили Мэлоуны, вышел суперинтендант Клэр, и его тяжелые башмаки застучали по каменной дорожке.

Отступив в сторону, он пропустил крошечную сгорбленную женщину. На первый взгляд казалось, будто ей тысяча лет, и только после того, как она подняла голову, чтобы посмотреть на суперинтенданта, Кетт понял, что ей немногим больше тридцати. Ее глаза покраснели от уже пролитых слез, а щеки были мокрыми от новых. Даже если б Роберт не видел лицо Мейси, он понял бы, что перед ним мать пропавшей девочки. Только скорбь может состарить так быстро.

Они еще не успели дойти до ворот, как репортеры бросились вперед, и их голоса громом обрушились на Клэра и мать Мейси.

– У вас есть какие-то зацепки?

– Вы кого-то задержали?

– Вы подозреваете, что Мейси и Конни убили?

«Деликатные, как всегда, – подумал Кетт. – Ублюдки».

– Ну, началось, – сказала Сэвидж, направляясь в гущу репортеров. – Я скоро вернусь.

Она присоединилась к констеблям в форме, принявшимися теснить журналистов назад, чтобы Колин Клэр и мать Мейси могли ступить на тротуар. Кетт посмотрел мимо них – в доме находились еще какие-то люди, вероятно, из управления уголовных расследований Норфолка.

– Благодарю вас, – сказал Клэр так громко, что эхо его голоса отразилось от соседних домов. – Я понимаю, вы собрались здесь, чтобы помочь расследованию...

«Очень благородное заявление», – подумал Роберт.

– Но не забывайте, что для мисс Мэлоун и ее родных наступило тяжелое время, и я надеюсь, что вы отнесетесь к ней с уважением, – продолжал Клэр.

К удивлению Кетта, ни один из журналистов не стал задавать встречные вопросы. От Клэра исходила сила авторитета; он походил на директора школы, способного быстро добиться повиновения.

– Я суперинтендант Колин Клэр из полиции Норфолка, и мне нет нужды напоминать вам, что речь идет о текущем расследовании, поэтому я не смогу ответить на большую часть вопросов. Сейчас наша задача состоит в том, чтобы дать матери возможность обратиться к дочери и попросить ее вернуться домой. Мы поняли друг друга?

И вновь последовали кивки и шепот. По сравнению с лондонской прессой, эти парни были почти святыми. Суперинтендант отступил в сторону и положил большую ладонь на плечо женщины, заставляя ее сделать несколько шагов вперед.

– Мисс Мэлоун...

Мать Мейси выглядела хрупкой, как стекло; казалось, она разлетится на тысячу осколков, стоит ей лишь открыть рот. Женщина стояла сгорбившись и опустив голову, словно несла весь мир на своих плечах, держа перед собой руки с переплетенными пальцами. Посмотрела на Колина Клэра. Тот мягко улыбнулся ей, кивнул, и мисс Мэлоун повернулась к репортерам.

– Мейси... – начала она, и ее голос дрогнул. Снова посмотрела на суперинтенданта, и тот мягко сжал ее плечо. Казалось, это придало ей сил.

– Мейси, я не знаю, слышишь ли ты меня. Ты ведь никогда не любила новости, верно? – Она печально рассмеялась, потом закашлялась, и по ее щекам потекли слезы. – Но я хочу, чтобы ты знала: я люблю тебя больше всего на свете. – Казалось, она тонет. – Мне не следовало так поступать. Но я тебя люблю, и если... если ты на меня обиделась, если ушла именно по этой причине, тогда, пожалуйста, вернись. Я не буду на тебя сердиться. Я никогда на тебя не сержусь. Я люблю тебя.

Кетт глубоко вздохнул; у него перехватило в горле. Он посмотрел на Мойру, думая о ней, а также об Элис и Эви, о том, как перенес бы исчезновение кого-то из своих девочек. Если б одну из них *похитили*. Потерять жену – это ужасно, но ребенка... в миллион раз хуже.

Силы у мисс Мэлоун закончились, как завод у игрушки; она замолчала и застыла в неподвижности. Не убирая руку с ее плеча, Клэр снова обратился к репортерам:

– Я отвечу на несколько вопросов. Пока не услышу тот, что мне не понравится. После этого мы уйдем. Так что думайте, о чем собираетесь спрашивать. Алан... – Он кивнул мужчине средних лет в коричневом костюме, который поднял «Айфон».

– Вы считаете, что обеих девочек похитил один и тот же человек? – спросил журналист.

– У нас нет оснований считать, что они похищены, а если и так, мы не знаем, что это сделал мужчина, не говоря уже о том, один это человек или нет, – ответил суперинтендант. – Сара...

– Уже много лет звучат жалобы о нехватке полицейских в форме на улицах города, – произнесла молодая женщина в джинсах и желтой кофточке. – Влияет ли уменьшение их количества на нашу безопасность?

– Я не стану вам отвечать, – прорычал Клэр. – Главным образом потому, что такие элементарные вещи понимает даже ребенок. Еще один вопрос... Дуг.

– Я? – спросил мужчина, показывая на себя. – Я Джим.

– Дуг, Джим, мне без разницы, задавайте свой вопрос, – проворчал суперинтендант.

– Хм-м, ладно... Обе девочки работали на одного и того же владельца киоска... э-э-э... – Он сверился со своими записями. – Уокера. Является ли Дэвид Уокер подозреваемым?

– Какая часть проводимого нами расследования вас смущает? Последний шанс.

Женщина, стоявшая в конце толпы, подняла руку; она только что не подпрыгивала на месте, словно собиралась попросить разрешения выйти в туалет. Клэр коротко кивнул.

– Вы сказали, что это вовсе не обязательно похищение, – сказала женщина. – Но вы запросили помощь из столицы. И к нам прислали Роберта Кетта. – Она указала через улицу прямо на старшего инспектора, и все повернулись в его сторону. – Он нашел близнецов Миллер, когда их похитили два года назад. И ему удалось поймать Альберта Шиптона, после того как тот убил мальчика Хана в пятнадцатом году. Если он здесь, значит, речь идет не о пропавших детях, а о похищении или убийстве.

Отвращение превратило лицо Клэра в маску.

– Глупости, – заявил он, направляя свой гнев как на журналистку, так и на Кетта. – Вы свой шанс использовали. Что ж, попробуем еще раз завтра.

С этими словами суперинтендант развернул мисс Мэлоун и в окружении полицейских повел ее обратно к дому. Репортеры разразились новыми вопросами, хотя и понимали, что пресс-конференция закончилась. Затем начали расходиться.

Кетт опустил взгляд на Мойру и едва не рассмеялся от радости – во время пресс-конференции она заснула; липкие пальцы продолжали прижимать к губам свисток. Он слегка покачал коляску, чтобы убедиться в этом окончательно.

– Я же сказала вам, что он приносит удачу, – произнесла констебль Сэвидж, подходя к нему. Осторожно высвободила свисток и положила в карман.

– Однако последний вопрос не показался мне приносящим удачу, – ответил он. – Может быть, мне следовало держаться в стороне...

– Рано или поздно они все равно узнали бы, – сказала Сэвидж. – Следственная группа хочет поговорить с вами в доме.

Кетт вздохнул. Как убедить Мойру вести себя смирно в таком ограниченном пространстве? Казалось, Сэвидж прочитала его мысли.

– Позвольте мне, сэр, – сказала она.

– Вы серьезно? – Роберт улыбнулся. – Это было бы замечательно, если вы не против.

– Никаких проблем. Хотя я с интересом послушала бы, как Клэр поносит вас за то, что вы взяли ребенка на место преступления, но, думаю, вы сегодня уже достаточно натерпелись. Я прослежу, чтобы она не находилась на солнце.

Кетт поцеловал Мойру в голову и поднял верх коляски. Затем направился в дом Мэлоунов, надеясь, что Сэвидж окажется права и ему больше не придется выслушивать неприятные слова.

Глава 5

– Вам не кажется, что можно было бы облегчить для них процедуру?

Выволочка продолжалась. Суперинтендант Колин Клэр стоял в микроскопической прихожей, пространство которой оказалось настолько ограниченным, что его грудь почти касалась груди Кетта. Еще немного, и они будут целоваться, а не разговаривать. Впрочем, Роберт больше помалкивал.

– Плохо уже то, что вас сюда прислали, а вы еще и перед прессой разгуливаете... Теперь в проклятых завтрашних газетах мы увидим только рассказ о шишке из Лондона, который приехал, чтобы отыскать пропавших девочек. – Суперинтендант сделал глубокий вдох и покачал головой.

– Я бы не сказал, что разгуливал перед прессой, – ответил Кетт. – Для этого у меня неподходящие бедра.

Клэр что-то прорычал в ответ и направился в дом – но в последний момент остановился и оглянулся.

– Это наше дело, Кетт, – сказал он. – Вы можете присутствовать, сколько пожелаете, но не забывайте, где находитесь. Вам понятно?

Роберт кивнул, поднимая руки и всем своим видом показывая, что сдается.

– Используйте меня и ругайте, как пожелаете, *сэр*, – сказал он, за что получил еще один взгляд, полный отвращения.

Кетт прошел за суперинтендантом еще в одну узкую дверь и попал в крошечную гостиную. Все здесь казалось таким маленьким, словно великан поднял целый ряд домов и сжал их, как гармошку. Возможно, такое ощущение возникало из-за того, что в комнате стояли трое полицейских – констебль в форме и два детектива, мужчина и женщина. Они бросили на Кетта быстрые взгляды и равнодушно отвернулись.

– Детектив-сержант Сполдинг; детектив-констебль Тёрнер; детектив-констебль Реймонд Фигг, наш офицер по связям с семьями жертв, – представил своих сотрудников Клэр. – А это старший детектив-инспектор Кетт.

Мужчина – офицер по связям с семьями жертв – кивнул Роберту. У него было круглое лицо и добрые глаза, и что-то в нем показалось Кетту знакомым – тщательно подстриженная борода, бледные редящие волосы, простая клетчатая рубашка под синим пиджаком, хотя стояла тридцатиградусная жара. Полицейский одевался как человек среднего возраста, но ему едва ли было больше тридцати пяти. Он протянул руку, и Роберт пожал ее.

– Кетт, – проговорил Фигг. – Круто, рад снова вас видеть.

– Снова? – спросил Роберт.

– Да, извините. Однажды мы уже встречались. Я был стажером офицера по связям с семьями жертв в Лондоне во время расследования похищения Хана. Два... нет, три года назад.

– Убийства Хана, – поправил его Кетт, покачивая головой, словно рассчитывал, что сможет таким образом избавиться от воспоминаний.

– Да, – ответил Фигг. – Но, пока я там находился, речь не шла об убийстве. Я следил за всеми вашими расследованиями. Вы – лучший детектив по поиску пропавших людей, которых я встречал на работе.

«Однако я недостаточно хорош, чтобы найти Билли», – подумал Кетт, слабо улыбнувшись в ответ.

– Я рад, что вы здесь, – продолжал Фигг, снова протягивая руку, и Кетт опять ее пожал. К этому моменту у Клэра на лице появилось виноватое выражение.

Роберт сделал пять или шесть шагов, чтобы выйти из гостиной в кухню, полную сигаретного дыма. У раковины стоял другой детектив с массивной фигурой и негромко беседовал с

мисс Мэлоун, пока та курила в открытое окно. Кетт узнал его даже со спины – иначе и быть не могло при таких физических данных – и с большим трудом удержался от улыбки.

– Детектив-инспектор Портер, – представил Клэр, который чувствовал себя не лучшим образом в маленькой прокуренной кухне.

Детектив обернулся и заулыбался; затем вывернул ему руку так, что Кетту показалось, будто она сейчас оторвется.

– Робби! – радостно вскричал он. – Я слышал, что тебя сюда прислали.

– Господи, – проворчал Клэр, глядя в сторону Кетта. – Есть ли на свете кто-то, кого вы не знаете?

– Пит, – сказал Кетт, пожимая инспектору Портеру руку, похожую на баранью отбивную. – Рад видеть. Я слышал, тебя направили куда-то на север...

– Да, в Корнуолл. – Портер рассмеялся, Кетт пожал плечами. – Я находился там некоторое время, но в прошлом году жене предложили работу в Норидже, и я перевелся сюда. А как ты? Как твоя...

Вопрос умер у него на губах. В комнате наступила тишина, а с лица Портера исчезла улыбка. Кетт помог ему выйти из неприятного положения.

– С детьми всё в порядке.

Инспектор благодарно кивнул. Роберт искренне обрадовался встрече с ним. Они с Портером вместе поднимались по служебной лестнице – сначала оба служили патрульными офицерами, а потом одновременно стали детективами и начали работать в управлении уголовных расследований. Они расстались, когда Портера перевели из Лондона – это было как-то связано со здоровьем его матери. Кетт уже хотел спросить о ней, когда суперинтендант откашлялся; ему явно не понравилось, что у двух полицейских общая история.

– Мисс Мэлоун, это старший детектив-инспектор Роберт Кетт. Он прибыл сюда из Лондона.

Казалось, его голос вывел женщину из оцепенения; ее голова повернулась, как у улитки, которая выставила стебельки с глазами. Она заморгала, глядя на Кетта, и по ее лицу промелькнула тень улыбки.

– Это правда? – спросила мисс Мэлоун. – Вы действительно нашли тех девочек-близнецов?

– Мальчика и девочку, – ответил Кетт, стараясь, чтобы его голос звучал тихо. – Джошуа и Бетани Миллер. Близнецы. Да.

– Кетт нашел немало пропавших детей, – подтвердил Клэр. – Он – один из лучших детективов страны. Когда мы сказали, что не оставим ни одного камня неперевернутым, Джейд, я говорил правду.

Кетт прекрасно понимал, что суперинтендант пел ему дифирамбы только для того, чтобы департамент выглядел хорошо, но его слова было приятно слушать.

– И вы найдете мою Мейси? – спросила женщина. Ее лицо осунулось, словно его рисовали на мокрой классной доске, но сейчас на нем появилась надежда.

– Мы сделаем всё, что в наших силах, чтобы вернуть ее домой, мисс Мэлоун. Я даю вам слово, – пообещал Кетт.

Джейд кивнула, сделала глубокую затяжку и снова ушла в себя.

– Хорошо, – сказал Клэр, – у нас в участке есть все, что нужно. Мы...

– Я бы хотел еще немного поговорить с мисс Мэлоун, вы не против? – спросил Кетт.

Казалось, Клэр собрался возразить, но женщина кивнула. Роберт потер ладони и улыбнулся суперинтенданту.

– Но, если вы хотите быть полезным, сэр, поставьте, пожалуйста, чайник.

* * *

На кухне было совсем мало места, поэтому Кетт попросил полицейских выйти. Фигг попросил разрешения остаться, и Роберт кивнул в сторону угла, где тот не станет никого отвлекать. Мисс Мэлоун опустилась в кресло, выглядевшее слишком большим для нее, и у Кетта появилась возможность осмотреть комнату: диван, не подходивший к креслу – фальшивый грецкий орех из семидесятых, – латунный газовый камин с декоративной кочергой, щеткой и совком, рельефные обои с древесной стружкой между слоями, местами цвета подсолнухов, местами магнолий, зазубренные завитки на потолке, где успела вырасти паутина.

Кроме телевизора и телеприставки «Скай», в комнате имела полка из «ИКЕА» с пыльными DVD-дисками и фотографиями в дешевых рамках.

– Джейд, я правильно расслышал ваше имя? – уточнил Кетт, пересекая комнату, чтобы подойти к полке.

Он уже видел одну из фотографий – Мейси в школьной форме, кто-то сделал копию для дела об исчезновении – и взял ее в руки. Мейси улыбалась ему, вытянув руки вперед и подняв большие пальцы к небу.

– Да, – ответила Джейд, вытаскивая из пачки очередную сигарету.

Ей удалось закурить только после нескольких попыток.

– Вы с Мейси очень похожи, – продолжил Кетт, вернул фотографию на место и взял другую; на ней Мейси и ее мать обнимались перед входом в огромную цирковую палатку, какие можно увидеть в «Батлинз»⁷. Джейд всхлипнула и вытерла глаза.

– Да, Мейси была для меня всем. – Тут только она поняла, что сказала, и ахнула. – Моя девочка – всё для меня. Ее отец умер, когда Мейси была совсем маленькой. Глупый ублюдок умудрился получить рак поджелудочной железы в двадцать три года. С тех пор мы вдвоем.

– Вы могли бы быть близнецами, – заметил Кетт. – У вас такая же улыбка.

Она продемонстрировала ее – ну, или то, что отдаленно ее напоминало. Роберт сел на диван и поскреб щетину на подбородке – после приезда из Лондона он так и не побрился.

– Я постараюсь быть с вами максимально честным, Джейд, – начал он. – В большинстве случаев дела с пропажей детей решаются быстро. Детей охватывает гнев, они убегают, им нравятся показывать, что они независимы, в особенности девочки... поверьте мне, у меня их три.

Он выглянул в окно, пытаясь разглядеть через занавеску констебля Сэвидж. Но, если она там и была, Кетт ее не увидел, и ему пришлось подавить внезапно возникшую тревогу. «А что, если Кейт Сэвидж – не настоящий полицейский? Что, если она сбежала с Мойрой?» Он привык к подобным мыслям; именно так работал мозг полицейского. Роберт не мог бы выполнять свою работу, если б не рассматривал худшие варианты развития событий.

– Но с Мейси ситуация другая, – продолжал он. – Тот факт, что обе девочки исчезли при одинаковых обстоятельствах, указывает на то, что тут скрыто нечто большее.

Джейд посмотрела на него так, словно была готова расплакаться.

– Я знаю, – сказала она, глядя на Фигга. – Он уже это говорил. Он был очень добр со мной и очень честен.

Фигг сочувственно улыбнулся.

– Впрочем, из этого вовсе не следует, что Мейси сейчас грозит опасность, – произнес Роберт. – Или что мы ее не найдем. Просто мы должны вести себя умно и быстро делать свою работу. Вы всё поняли?

Джейд кивнула; ее голова опустилась так низко, когда она затягивалась, что почти коснулась колен.

⁷ «Батлинз» – сеть популярных в Англии лагерей семейного отдыха.

– Мейси знала другую девочку? – спросил Кетт, порывшись в памяти, чтобы вспомнить имя. – Конни Бирн? Они работали на похожих маршрутах.

– Я уже сказала другим полицейским, – невнятно проговорила Джейд, и Кетту пришлось наклониться к ней, чтобы разобрать, что она сказала. – Мейси знала ее в лицо, но не разговаривала. Они ходили в разные школы.

Кетт порылся в карманах в поисках блокнота, но оказалось, что он не взял его с собой. Тогда старший инспектор вытащил телефон, открыл соответствующее приложение, и его большие пальцы начали неуверенно набирать текст. Но даже автоматическая корректировка не могла понять, что он пишет.

– Да, а ее работодатель, мистер Уокер, – она когда-либо о нем упоминала? – спросил Кетт.

– Да, конечно, – ответила Джейд, выдувая дым в сторону ковра. – Уокер ей нравился. Дэвид – приятный человек. Старый. И мухи не обидит. Он платил девочкам хорошие деньги, всегда проверял, чтобы им было больше десяти лет, и никогда не брал на работу тех, кто моложе.

– Мейси всегда придерживалась одного и того же маршрута? Никогда не отвлекалась, чтобы навестить подругу или купить чипсов? – продолжал Кетт.

– Она хорошая девочка. Просто кивала и принималась за дело, всегда быстро, – и возвращалась домой менее чем через два часа. Я делала для нее рыбные палочки. Они... они остыли.

Женщина выпрямилась и принялась тереть лицо свободной рукой, словно пыталась оторвать его напроочь.

– Мне не следовало ее отпускать. Погода была ужасной, и это моя вина, что она пошла; я виновата, что кто-то ее забрал.

– Она не говорила ничего необычного перед тем, как ушла? – спросил Кетт, когда Джейд успокоилась. – Не вспоминала что-то новое или *кого-то* нового?

Мисс Мэлоун покачала головой.

– Я уже отвечала на эти вопросы. Я сказала Реймонду и другому полицейскому, такому большому, Питеру...

– А телефон? – уточнил Кетт.

– Она взяла его с собой, – последовал ответ.

В комнату вошел Портер, держа в руках две чашки чая с большим количеством молока, и поставил их на край кофейного столика.

– Мы нашли его на месте преступления, сейчас с ним работают эксперты.

Кетт взял чашку, глядя в ее анемичные глубины, скорчил гримасу на Портера и одними губами произнес: «Это чай?»

Тот пожал плечами и отступил к двери, откуда за происходящим наблюдал суперинтендант Клэр.

– Ладно, – сказал Роберт, сделал глоток – вкус у чая был как у теплого молока – и снова скорчил гримасу. – Сожалею, что заставляю вас еще раз проходить через это, но нам очень важно знать все детали. Мейси разносила газеты в течение...

– Года, – ответила Джейд. – Немногим меньше. Она хотела заработать деньги, у нас не такой большой доход... Три фунта в час – не слишком много, но получается три часа в неделю, всего десять фунтов. А это немалая сумма, в особенности для одиннадцатилетней девочки.

– Мейси когда-нибудь упоминала о том, что кто-то следовал за ней, или говорила про машину, которую видела несколько раз?

Джейд покачала головой.

– Здесь в основном живут пожилые люди, в бунгало; большинство редко выходят из дома. Мейси знала некоторых из них, но они не склонны вступать с кем-то в контакт.

Кетт кивнул.

– Хорошо, благодарю вас, – сказал он, допивая отвратительный чай и вставая. – Я только что приехал, так что позвольте мне разобраться с вещами. Я вернусь к вам, как только возникнут новые вопросы.

Он повернулся и кивнул суперинтенданту, а потом нахмурился и снова заговорил:

– Джейд, вы сказали, что Мейси зарабатывала десять фунтов. Как я понял, весь маршрут занимал у нее два часа. Три фунта в час – получается шесть фунтов в неделю...

– Так и есть, – подтвердила Джейд, уронив сигарету в нетронутый чай. – Но у нее был еще один маршрут, по субботам, в Маусхолд, возле леса. Он довольно короткий.

Кетт сделал заметку в телефоне, который немедленно превратил Маусхолд в *мышиную нору*⁸.

– Тот же киоск, что принадлежит Уокеру? – спросил он.

Джейд кивнула и тут же принялась вытаскивать из пачки следующую сигарету.

– Всего два маршрута? – спросил Кетт. – Больше ничего?

– Верно, – подтвердила она.

Женщина выглядела совершенно измученной, как надувной замок, из которого выпустили почти весь воздух.

– Вы должны постараться отдохнуть, Джейд, – проговорил Роберт. – Предоставьте всю работу нам.

Он засунул телефон обратно в карман и направился к двери. Задержался, прекрасно понимая, что ему не следует произносить эти слова, – однако Кетт знал, что все равно скажет их.

– Мы ее найдем.

⁸ То есть *Mousehold* превратился в *mouse hole*.

Глава 6

– Никогда не становится легче, – спокойно проговорил инспектор Портер, закрывая за собой двери.

Кетт потер глаза, глубоко вдохнул жаркий летний воздух, и ему ужасно захотелось закутить.

Головная боль возвращалась – вероятно, потому что он успел поспать совсем немного. Ему всегда плохо спалось в новых кроватях, а прошлая ночь выдалась совсем неудачной – он умудрился каким-то образом потерять сумку с постельным бельем. Детей накрыл полотенцами, а сам провел ночь на двуспальной кровати без простыней, согреваясь лишь лунным светом. В доме не оказалось занавесок, и с раннего утра солнце било ему прямо в глаза.

– Хм-м, – протянул он, чтобы как-то отреагировать на слова Портера.

– Эти, – заявил тот, поправляя лацканы пиджака. Казалось, еще немного, и его бицепсы разорвут рукава костюма от «Тома Форда». – Мамочки и папочки.

Кетт кивнул. Он встречал такое количество родителей пропавших детей, не говоря уже о тех, чьи дети погибли... Джейд Мэлоун держалась на удивление очень неплохо, но прошло всего два дня. В тех случаях, когда речь шла о пропавших людях, первые дни близкие находились в шоке, но их поддерживала надежда. Однако по мере того, как уходило время, родители начинали чувствовать холод и *быстро* погружались в пучину ужаса, словно кто-то разрезал удерживавшие их веревки, когда они оставались на поверхности бездонного темного океана. Кетт знал об этом по работе с семьями жертв.

А теперь и по собственному опыту.

Он содрогнулся, словно вновь очутился во второй, третьей и четвертой неделях после исчезновения Билли. У него снова возникло ощущение, будто он, шатаясь, стоит на краю пропасти.

Дверь у них за спиной распахнулась, и Кетт обрадовался, что его отвлекли – пусть даже это были волосатые ноздри Клэра.

– Все бесполезно, Кетт, – прошептал он. – Мы уже несколько раз беседовали с мисс Мэлоун. Нет никакого смысла снова ее тревожить. Я не хочу, чтобы вы находились с ней рядом.

Роберт кивнул, поднимая руки, чтобы показать, что сдается, и суперинтендант исчез в глубинах дома.

– Он... – начал Кетт, но дверь снова открылась.

– И я не хочу, чтобы вы разговаривали с семьей Конни, вы меня поняли? – добавил Клэр. – Мы с этим уже разобрались.

Он захлопнул за собой дверь, но лишь на секунду. Она распахнулась в третий раз, и вновь появилось рассерженное лицо суперинтенданта.

– И я подумал, что вам не стоит появляться на местах преступления. Там находятся эксперты, и нет ни малейшего смысла в том, чтобы вы затаптывали улики. Вам понятно?

Он не стал дожидаться ответа, снова исчез, и стук закрывшейся двери разнесся по улице.

– Он просто очарователен, – поморщившись, сказал Кетт. – Я лишь хотел с ней поговорить. С матерью.

– Звучит разумно, – отозвался Портер. – Когда пропадают дети, как правило, что-то не так в семье. Ты думаешь, она знает?..

– Нет, – ответил Роберт. – Нет, если только она не величайшая актриса в мире. А я думаю, что это не так, потому что такая актриса не станет жить в коробке из-под обуви в самой неприглядной части Нориджа.

– Хороший довод, – согласился Портер, шагая по тропинке.

Большая часть репортеров уже ушла, но те, что остались, напоминали собак, рассчитывавших получить вкусные объедки. Они смотрели на Кетта и Портера большими голодными глазами. Старший инспектор бросил на них быстрый мрачный взгляд.

– Ты думаешь, мне стоит взглянуть на место преступления? – спросил он. – Дома, из которых похищены Мейси и Конни... И, может быть, все же имеет смысл поговорить с матерью Конни?

– Я бы не советовал, – ответил Портер. – Мы сделали там все, что было возможно, так что лучше лишний раз не раздражать босса.

– Это единственная причина, по которой я собирался так поступить, – признался Кетт, и Портер рассмеялся, качая головой. Затем проворчал:

– Норидж, да... Ну кто бы мог подумать...

– Хм-м?

– Мы, двое лучших столичных детективов, оказались в Норидже... Мы живем в странном мире.

– Тебе здесь не нравится? – спросил Кетт.

Портер пожал плечами.

– Я ничего не имею против города. Мне лишь не нравится, что стоит поехать в любом направлении, и через пять минут ты оказываешься за городом – поля, деревья, коровы... У меня от них мурашки по коже.

– Пит Портер боится коров, – с улыбкой сказал Кетт. – Ты почти обманул меня, если учитывать, сколько молока было в той чашке чая.

Портер нахмурился.

– Мой чай меня вполне устраивает, большое спасибо, – отозвался он. – Пойдем в участок. Я введу тебя в курс дела.

Кетт оглядел улицу и большую ярко-оранжевую детскую коляску, стоявшую на ближайшем углу. Констебль Сэвидж сделала несколько шагов, повернулась и помахала Роберту.

– Звучит неплохо, – ответил он. – Но это может немного подождать. Малышка спит, и я попытаюсь перенести ее в машину, пока она не поставила на уши всю улицу. Мойра может стать трёпанным кошмаром для кого угодно.

Портер ничего не ответил, а когда Кетт повернулся к нему, в лице инспектора читалось отвращение.

– Что? – спросил Кетт.

– Ты сказал *трёпанным*.

– *Что?* – повторил он.

– *Трёпанный кошмар*, так ты только что сказал.

– Я не говорил, – возразил Кетт.

– Говорил. Наверное, ты хотел сказать *грёбанный* кошмар, а получилось *трёпанный*. Проклятье, что с тобой случилось? Неужели дети *так* меняют мужчину?

Кетт громко рассмеялся.

– Тебе нужно проверить слух, Пит, – посоветовал он. – А сейчас отвали.

Теперь пришел черед Портера смеяться – это был оглушительный веселый смех, который Роберт прекрасно помнил еще с тех времен, когда они учились в академии. Однако инспектор оборвал его через несколько секунд, и оба повернулись к дому Мэлоунов, ожидая, что оттуда появится Клэр и вновь начнет их ругать. К счастью, суперинтенданта занимали другие дела. Когда Кетт снова повернулся в сторону улицы, Сэвидж оказалась уже рядом.

– Она отключилась, – сказала констебль. – Всё в порядке, Портер?

– Сэвидж, – ответил тот, кивнув ей. – Исполняешь обязанности няньки?

– Это серьезная полицейская работа, – парировала она, не моргнув глазом. – Когда я работаю с вами, мне уж точно приходится присматривать за ребенком.

– Быть может, мне лучше уйти? – осведомился Кетт, а когда Портер собрался рассмеяться своим оглушительным смехом, прижал ладонь ко рту инспектора, и тот удержался от трубных звуков.

– Значит, встречаемся в участке? – спросил Портер. – Как только малышка пожелает проснуться.

– Да, – сказал Роберт. – Но я пешком, так что пока могу зайти к продавцам газет. Сэвидж, пойдемте со мной; по пути введете меня в курс дела.

– С радостью, – ответила она. – Я повезу коляску.

* * *

Путешествие получилось на удивление долгим, но им было о чем поговорить.

– Расскажите мне о другой пропавшей девочке, – попросил Кетт, когда они дошли до конца улицы, где жила Мейси.

Несколько репортеров делали фотографии, и Роберт их не винил. Не так часто можно увидеть старшего детектива-инспектора, констебля и ребенка, которые вместе идут по городу. Сэвидж направила коляску влево, Кетт понял намек, и они зашагали по главной дороге, что вела вниз.

– Конни Бирн, – начала Сэвидж. – Можно подумать, что речь идет о Констанции, но на самом деле это уменьшительное от Конифер.

– Как хвойное дерево? – спросил Кетт.

Сэвидж кивнула.

– Она пропала на день раньше Мейси, когда разносила газеты. Ее семья обратилась в полицию только утром следующего дня.

– *Почему?* – воскликнул Кетт, да так громко, что малышка зашевелилась.

Сэвидж покачала коляску, произнесла несколько успокаивающих звуков, и Мойра успокоилась.

– В полиции знают эту семью, – объяснила констебль. – И в социальных службах. Наркотики, отец сидел в тюрьму, выходил и снова садился, мать периодически попадала в реабилитационную клинику, но без особых результатов... Конни разносила газеты по вечерам; она ушла из дома в пять тридцать. К тому времени, когда она должна была вернуться домой, отец ушел, а мать под завязку накачалась дешевым джином. Они вспомнили про Конни лишь на следующий день, когда та не вышла к завтраку.

– Господи, – пробормотал Кетт. Дорога довольно круто уходила вниз. Для города, который считался плоским, как блин, в Норидже имелось немало холмов. Мимо проносились автомобили и грузовики, но, по сравнению с Лондоном, здесь было слишком тихо, и это заставляло Кетта нервничать. – У нее имелись причины для побега? Ну, кроме семейных проблем?

– Да. Она сбегала дважды только в прошлом семестре. Оба раза школа сообщала, что Конни пропускает занятия, и оба раза оказывалось, что девочка проводила время с друзьями. Мы проверили все места, где она могла находиться, – я сама состояла в одной из команд по ее поиску. Ничего. В результате полиция объявила Конни в розыск, но пока никто не воспринимает ее исчезновение всерьез.

– Из-за того, что каждый год пропадает четверть миллиона человек, – добавил Кетт, кивая. – Вполне справедливо. Но когда пропала Мейси, доставлявшая газеты от того же продавца, все изменилось. Появилась закономерность.

Сэвидж, кивнув, остановилась на перекрестке, дожидаясь, когда проедет автобус, из выхлопной трубы которого обильно шел дым. Затем подняла руку, остановив движение, точно Моисей, заставивший расступиться Красное море, и они перешли на другую сторону.

– У Конни не было телефона, нам не удалось найти ее сумку или вещи. Никаких свидетелей или записей с камер видеонаблюдения. Она просто исчезла.

– Но ведь известно, в каком доме она находилась, когда ее похитили, верно? – спросил Кетт. – Первый из тех, где газет не было.

– Конечно. Я как раз собиралась об этом рассказать. Еще один пустующий дом. Его владелец недавно умер; ожидалось, что наследники должны забрать вещи. Войдя внутрь, мы нашли ее сумку с газетами.

Коляска, наехав на неровный камень, подскочила, и Сэвидж тихонько выругалась.

– Она не слишком послушная; хочешь, дальше поведу я? – предложил Роберт. Но констебль покачала головой.

– Это отличная нагрузка для трехглавой мышцы и трицепсов, – заявила она.

– Ну, а как еще мое тело стало бы таким? – с улыбкой ответил Кетт. – Мышцы отца... Итак, у нас есть метод. Преступник изучает маршруты, находит пустой дом, прячется там и ждет, когда придет девочка с газетами. А есть какие-то улики, указывающие... на то, что произошло внутри?

– Судмедэксперты все еще работают там. Но пока они ничего не обнаружили. Наш преступник аккуратен.

– И терпелив, – заметил Роберт. – Люди умирают не так уж часто, даже пожилые. Ему приходится ждать, когда подходящий человек отбросит копыта, затем прятаться в его доме и поджидать девочку с газетами... Этот парень – настоящий мыслитель, что делает его опасным.

Несмотря на теплую погоду, Кетт почувствовал, как по спине у него пробежал неприятный холодок, а на шее появилась гусиная кожа. В процессе разговора преступник из случайного насильника превратился в холодного, расчетливого серийного похитителя – и у Кетта возникло ощущение, что худшее еще впереди.

– Вы многое знаете, – отметил Роберт. – Для констебля. Вы произвели на меня впечатление.

– Благодарю вас, сэр. Я рассчитываю скоро стать детективом.

– Что-то подсказывает мне, что вы с легкостью этого добьетесь.

Сэвидж улыбнулась в ответ и остановила коляску.

Они вышли к небольшому торговому центру, который располагался на обеих сторонах главной дороги. С одной находились кафе быстрого питания «Си-эф-кей» – идея, сворованная у «Кей-эф-си» – и пара магазинов, торговавших подержанными вещами; все они теснились вокруг приземистой, наполовину мертвой пивной под названием «Альбион». На другой стороне Кетт увидел сразу два магазина, продававших алкоголь, букмекерскую контору, а также вполне приличный магазин с надписью «Уокерс» на окнах, сделанной курсивом голубыми буквами – с гоночными полосками.

– Здесь пропали не только девочки, – заметил Роберт, кивая в сторону надписи. – Что случилось с апострогом?

Группа из пяти детей стояла возле магазина, где продавали газеты, словно собирались пройти отбор для съемок «Прослушки» в собственной версии Нориджа. Все они надели капюшоны, брюки болтались на бедрах; у двоих Кетт заметил бутылки с водой в бумажных пакетах. Они уже обратили внимание на желтую куртку Сэвидж и расхаживали взад и вперед, точно тигры в клетке.

Ну, скорее как белки.

Роберт окинул взглядом торговый центр. Выглядел тот не лучшим образом: на окнах облупилась краска, в канавах полно мусора и кучки собачьего дерьма. Два окна у ближайшего винного магазина, видимо, давно разбили; одно заколотили досками. Над магазинами шел ряд одноэтажных квартир, которые также нуждались в ремонте. Пахло мочой и парами бензина.

– Как вы хотите провести встречу? – спросила Сэвидж. – Мне остаться с ребенком?

– Нет, – Кетт покачал головой. – Сейчас я ее возьму, но мне может потребоваться ваша помощь с белками.

Не обращая внимания на недоумение на лице констебля, он взял коляску и пересек дорогу.

Глава 7

Кетт не стал сразу подходить к детям. Главным образом из-за того, что небольшая кучка собачьего дерьма находилась прямо у входа в газетный киоск – и в нее уже успели вступить несколько человек, если судить по ее жалкому состоянию, – и проехать мимо на коляске было бы совсем непросто. Вместо этого он покатил Мойру к маленькой двери, находившейся слева от окон. Вероятно, та вела в квартиру наверху, которая выглядела столь же неухоженной, как и все остальное. Хлопья оранжево-розовой краски отслаивались, точно обгоревшая на солнце кожа, а стекла полукруглых окон пожелтели от грязи и времени.

Чтобы подойти ближе, Кетту пришлось пройти мимо мальчишек-подростков – их стало уже шестеро; еще один вышел из заросшего сорняками переулка, продолжая подтягивать штаны от серого спортивного костюма. Он смотрел по сторонам с выражением такого презрения, что у Кетта появилось сильное желание выбить из него наглость, и не важно, что перед ним был ребенок.

– У парня ребеночек на продажу, – сказал один из парней, и все рассмеялись, хотя шутка была совсем не смешной.

Они нагло смотрели на Кетта, слегка покачиваясь; от них несло дешевым алкоголем, хотя ни одному не могло быть больше пятнадцати. Однако они являлись парнями из Нориджа, и у Кетта не возникло ощущения, что их родной район – Уиллоу-Три-лейн⁹.

Роберт оглянулся и увидел, что Сэвидж осталась у него за спиной.

– Если хочешь продать мелкого, ты пришел в нужное место, – заявил другой мальчишка, делая несколько шагов в сторону Кетта; он так сильно имитировал хромоту, что складывалось впечатление, будто парень обделался и теперь старается двигаться так, чтобы дерьмо не вывалилось из штанины. – Старый педофил Уокер даст тебе пятерку *вперед*.

Все снова засмеялись, но смех звучал холодно и злобно.

– У него такая репутация? – спросил Кетт, катая коляску вперед и назад, чтобы Мойра не проснулась. – У Уокера?

– Дерьмо, он и правда пришел продать ребенка! – Один из парней захохотал.

– А тебе зачем? – спросил другой. – Ты – мусор?

Кетт едва не рассмеялся. *Мусор*. Он не слышал этого слова с восьмидесятых годов.

– Да, – ответил он. – Я старший детектив-инспектор Кетт, гавайская мусарня. А в коляске старший детектив-инспектор Кетт-младший.

Парни нахмурились и слегка сдулись.

Роберт достаточно хорошо знал подростков и понимал, что конфронтация – это верный способ спровоцировать агрессию с их стороны. Но никто из маленьких болванов не понимал, как реагировать на юмор.

– Ей необходимо немного поспать между арестами, иначе она становится раздражительной, и ее не следует недооценивать – перед вами суперкоп. Итак, Дэвид Уокер. Что вы о нем слышали?

Сэвидж оставалась на заднем плане, и на Кетта это произвело впечатление. Большая часть констеблей, которых он знал, в особенности мужчин, выступили бы вперед с оружием в руках. Парни посмотрели на нее, потом на Кетта, и их бравада исчезла.

– Да ничего, – отозвался пацан в красном капюшоне, пожимая плечами. – Только то, что две девчонки исчезли. Уокер нормальный, он позволяет нам...

Тут его стукнул по руке другой парень, и Кетт решил, что сейчас не стоит настаивать.

– А разве вам всем не следует быть в школе? – спросил он.

⁹ Благополучный, дорогой район в Лондоне.

Они переминались с ноги на ногу, шаркали по асфальту – и все вдруг стали выглядеть на свой возраст.

– Теперь можете идти, – добавил Кетт. – А ты задержись.

Он ткнул пальцем в парня в красном капюшоне. Тот что-то проворчал, но остался, мрачно глядя вслед быстро расходившимся друзьям.

– Что ты хотел сказать? – спросил у него Роберт. Парень, не глядя на старшего инспектора, поскреб светлую юношескую поросль на подбородке. – Уокер позволяет вам...

– Ничего такого, – ответил парень. – Просто, ну вы знаете, курево и тому подобное... Он нам продает.

– Он позволяет вам покупать сигареты? В магазине?

– Нет, – сказал парень, покачав головой, и натянул красный капюшон на прыщавый лоб, словно рассчитывал стать невидимкой. – На пустыре, туда нужно идти.

– В Маусхолд? – спросила Сэвидж.

Парень кивнул, и на глазах у него появились слезы. Возможно, у Кетта разыгралось воображение, но ему показалось, что еще немного, и тот заскулит.

– Он заставляет девчонок это делать? – спросил Роберт. – Газетных девчонок?

Парень кивнул – и вроде как заскулил громче.

– По утрам в субботу, – продолжил он. – Можно получить курево, выпивку, ну и все такое...

– Наркотики?

– Нет, мы таким не занимаемся. Честно.

Кетт понял, что он вот-вот разрыдается, и пожалел его.

– Можешь идти. И если я еще раз увижу тебя здесь во время школьных занятий, старший детектив-инспектор Кетт-младший произведет арест так быстро, что у тебя закружится голова. Ты понял?

Парень посмотрел на коляску и нахмурился, совершенно сбитый с толку.

– Иди. – Голос Кетта стал жестче.

Парень повернулся и помчался прочь так быстро, что штаны начали соскальзывать вниз, и ему пришлось извернуться, чтобы не потерять их. Роберт тихонько рассмеялся, когда парень скрылся за углом, и повернулся к Сэвидж:

– Вы знали? О том, что газетные девочки продают сигареты?

– У нас были подозрения. Здесь такое случается постоянно. Газетные киоски, фургоны с мороженым... многие из них продают сигареты и выпивку подросткам.

Кетт поставил коляску на тормоз и подошел к двери квартиры на втором этаже, потом открыл почтовый ящик и заглянул внутрь. В лицо ему ударил холодный сырой воздух, но на лестнице никого не было.

– Однако я не уверена, что Мейси и Конни в этом участвовали, – добавила Сэвидж. – Складывается впечатление, что ни те, ни другие родители ничего не знали.

– Ладно, – сказал Роберт, снимая коляску с тормоза и объезжая собачье дерьмо. – Есть только один способ проверить это.

Как только он вошел в киоск, сработал сенсор под ковриком, и над дверью зазвенел колокольчик. А Кетт понял, почему Дэвида Уокера никто всерьез не считал подозреваемым.

Во-первых, ему было никак не меньше восьмидесяти лет. Он оказался невысоким хрупким мужчиной; на покрытом старческими пятнами черепе виднелись три пряди седых волос. Белая рубашка, коричневый галстук; на носу, похожем на кнопку, пристроились очки в золотой оправе. Кроме того, он двигался, как плохо сделанный и несмазанный робот на научных состязаниях в старшей школе.

Мистер Уокер обслуживал пару молодых людей, и, если судить по скорости, с которой он перемещался, они рисковали состариться, пока он с ними закончит. Уокер скрипел и пока-

чивался, отсчитывая монеты из кассового ящика в руки клиентам, а потом прощался с ними шелестящим голосом, словно был сделан из тысяч кусочков древнего пергамента.

Кетт поставил коляску возле ближайшего ряда и посмотрел на обычный набор товаров: чипсы, шоколадки и слишком дорогие товары с пониженным содержанием калорий. Магазин выглядел старым, но хорошо оборудованным. Над кассой стояли две камеры видеонаблюдения – одна перед ней, другая позади; третья располагалась над задней дверью. Управление уголовной полиции наверняка получило все записи – впрочем, едва ли на них нашлось что-то полезное.

Кетт посмотрел на Сэвидж через окно. Он попросил ее остаться снаружи на первые несколько минут. Иногда ярко-желтая форма помогала, а иногда мешала; Роберт понимал, что в последнее время Уокер постоянно видел полицейских.

Кетт остановился возле ряда с детскими товарами, выбрал мешочек с яблоками и бананами и направился к стойке. Теперь он мог заглянуть за нее – и с удивлением обнаружил, что мистер Уокер стоит на *ящике*. Должно быть, его рост составлял около пяти футов, а вес не более шестидесяти фунтов¹⁰, даже если он промокнет до нитки. Старик склонил голову – и стал похож на Пенфолда, персонажа из старых мультиков. Брови в буквальном смысле слова парили у него над головой, когда он приветственно кивнул Кетту.

– Значит, малышка спит? – прокаркал он с сильным местным акцентом. – Я скучаю по тем временам, когда они были такими маленькими и тихими...

– Она далеко не всегда тихая, – заверил его Кетт, положив пакет на стойку. – Уж поверьте мне на слово.

– Только это? – спросил Уокер, сканируя мешочек, а потом, по ошибке, повторил все снова. – О, подождите... Проклятая машина. Никогда не работает. Что-нибудь еще?

«Пачку «Мальборо»», – вот что ему хотелось сказать. Однако Роберт дал Билли слово, когда они в первый раз пытались зачать ребенка, что больше не станет курить, – и, хотя сейчас ее не было рядом, не собирался нарушать обещание.

– Только это, мистер Уокер, благодарю вас.

Когда Кетт произнес его имя, Уокер устало поднял голову.

– Я бы мог спросить, полицейский вы или журналист, – сказал он, и его взгляд обратился к окну и желтому пятну за ним. – Я стар, но не слеп.

– Извините, – ответил Роберт, вытаскивая из кармана купюру в пять фунтов и положив ее на стойку. Затем достал свою визитную карточку и протянул Уокеру: – Старший детектив-инспектор Роберт Кетт.

– Вы похожи на полицейского, – сказал Уокер; констатация факта, а не оскорбление. – Только очень уставшего полицейского.

– В последнее время я в большей степени отец, чем полицейский, – с улыбкой ответил Кетт. – Если честно, быть полицейским *намного* легче.

– И вы *мне* это говорите!.. У меня четверо паршивцев. – Он состроил гримасу, сглотнул и открыл кассу рукой с распухшими костяшками пальцев. – И я был *намного* моложе вас, когда начал.

– У меня тоже началось не сразу. – Кетт кивнул. – Значит, у вас четверо детей? И вы продолжаете работать именно по этой причине? Сколько вам сейчас, восемьдесят? Восемьдесят пять?

– Девяносто два, – с усмешкой ответил Уокер. – Яблоко в день, полностью, вместе с сердцевинкой. Вот единственная причина, по которой я все еще стою здесь. Вам следует попробовать.

¹⁰ Соответствует около 150 см и 30 кг.

Зазвенел колокольчик, и в магазин, вытирая пот со лба, вошел мужчина в шортах. Роберт склонился над стойкой.

– Я попробую, – пообещал он. – Спасибо за совет. Послушайте, я знаю, что полицейские из Норфолка уже беседовали с вами. Я лишь помогаю им. У меня есть некоторый опыт в розыске пропавших детей. – «И пропавших жен», – попытался не думать он. – Вот вопросы, на которые я очень хотел бы получить ответы. Надеюсь, вы поможете.

– Сделаю все, что в моих силах, – искренне ответил старик. – Я люблю Мейси и Конни. Они хорошие, умные девочки. И не заслужили того, что с ними случилось.

– Они доставляли газеты по будним дням, верно? – спросил Кетт.

Уокер кивнул.

– Конни – по понедельникам и пятницам, Мейси – по вторникам.

– И осуществляли доставку по выходным? – продолжил Кетт.

Старик снова сглотнул; казалось, он немного побледнел, а его взгляд устремился к потолку.

– Да, – тихо ответил он.

– Пустошь Маусхолд?

Он кивнул и снова посмотрел на Кетта.

– Продавали сигареты? – уточнил тот.

Казалось, такому маленькому человеку невозможно стать еще меньше, но он сумел, и теперь его голова едва торчала над стойкой.

– Вы этим занимались? – не сдавался Роберт. – Хотели заработать немного наличных?

– Я... – начал старик, качая головой, бросил взгляд на Кетта, а потом стал снова смотреть в потолок, на установленную над головой старшего инспектора камеру. Постепенно его качания головой сменились кивком. – Да. Я этим занимался.

– Но это же глупо, вам не кажется?.. И как давно вы начали?

– Не так давно, – ответил он и тяжело вздохнул.

Кетт отвел взгляд в сторону. К стойке подошел другой покупатель, держа в руках газету и банку кока-колы.

– Забирайте, – сказал Роберт, – я заплачу.

Мужчина удивленно кивнул и вышел из магазина. У двери он задержался, глядя на полку с DVD-дисками.

– Не испытывайте удачу, – предупредил Кетт, и мужчина ушел. Старший инспектор повернулся к Уокеру, который так дрожал, что возникало ощущение: еще немного, и он развалится на кусочки. – Не так давно – значит, год? Или два?

– Год, да, – ответил старик. – Я сожалею, это действительно глупо. Я повторял себе, что глупо... я *знал*, что глупо.

И снова взгляд в потолок. Кетт почувствовал, что старик начал вызывать у него подозрения. Он сам посмотрел вверх и увидел уставившуюся на него камеру.

– А девочки упоминали о чем-то необычном, когда продавали сигареты? Возникали какие-то проблемы с родителями? Их кто-то прогонял?

Уокер покачал головой.

– Половина детей покупала дешевые сигареты для родителей, – всхлипнув, продолжал он. – И у них никогда не возникало проблем.

Кетт вздохнул, качая коляску. Мойра все еще игнорировала окружающий мир. Ее бархатное похрапывание являлось самым громким звуком в магазине, если не считать гудение древних холодильников. Скорее всего, незаконная деятельность Уокера не имела отношения к исчезновению девочек, но он все равно должен был зайти в участок и сообщить о том, что узнал.

– Сколько я вам должен? – спросил Роберт, но Уокер отмахнулся от него.

– Не беспокойтесь, – сказал он, – едва ли я задержусь здесь после того, что случилось. Никто сюда не заходит; все считают, что я... я... – Он согнулся чуть ли не пополам, и его лоб коснулся стойки. – Какой ужасный способ все закончить, вам не кажется?

Кетт не знал, что ответить, поэтому круто развернул коляску, бросив еще один взгляд на камеру.

Что он упустил? Его не покидало это чувство, заставив задержаться. Уокер смотрел вверх всякий раз, когда возникал трудный вопрос. Это был плохой признак, как поглаживание усов Бинго. Возможно, дело в том, что за ними кто-то наблюдал? Или находился *над* ними?

– Мистер Уокер, вы арендуете это помещение? – спросил Кетт, следуя подсказке, которую сделала его интуиция.

– Нет, я купил его в семьдесят третьем году – все здесь было десятилетним, – и выплатил ипотеку ровно через двадцать лет.

– Только магазин? Не квартиру?

Старик снова сглотнул и глянул вверх.

Вот.

– Всё, – сказал он. – Две квартиры наверху принадлежат мне, но я живу в Костесси.

– А там сейчас кто-то живет?

– Нет, – ответил Уокер, немного слишком поспешно. – Там все замуровано. Асбестом, мне кажется. Квартиры пустуют уже несколько лет. На самом деле, мне давно следовало что-то с ними сделать.

– Да, конечно, – произнес Кетт, направляя коляску к двери.

Сэвидж ждала его. Он с ходу открыл дверь. Вновь зазвенел колокольчик, и на этот раз Мойра зашевелилась. Роберт оглянулся – и почти пожалел сморщенного призрака человека за стойкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.